

СМЫСЛОВЫЕ ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ / SEMANTIC TYPES OF SENTENCES

Высказывания с семантикой подконтрольности

Т. И. Стексова

Statements with the semantics of controllability

T.I. Steksova

Татьяна Ивановна Стексова – доктор филологических наук, профессор; Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация

E-mail: steksova@inbox.ru

Статья поступила. 01.04.2023. Принята к печати: 30.04.2023.

Данная статья вписывается в круг исследований семантических категорий. В ней рассматривается смысловой тип предложений с семантикой подконтрольности, которая является субкатегорией контролируемости и характеризуется большей семантической сложностью. Отмечается, что все предложения этого смыслового типа являются полипропозитивными, вне зависимости от строения предложения. Одна из пропозиций отражает контролируемую ситуацию, другая подконтрольную. Каждая контролирующая ситуация включает в себя следующие компоненты: субъект контроля + предикат + объект контроля. Объектом контроля и является подконтрольная ситуация со своим субъектом и предикатом. В статье даются характеристики всех компонентов семантической структуры, выделяются два типа подконтрольности: с внешним контролем и самоконтролем. Фиксируется, что выделенные два типа подконтрольности по-разному реагируют на введение отрицания. Обращается внимание на то, что изменение или утрата хотя бы одного из дифференциальных признаков компонентов семантической структуры выводит предложение за границы данного смыслового типа и позволяет ему выражать смежную семантику по признаку контролируемости/неконтролируемости. Это позволяет говорить о диффузности семантики контролируемости/неконтролируемости. Выявляется набор различных синтаксических конструкций для выражения исследуемой семантики. Показывается, что выбор конструкции связан с интенцией говорящего: представить подконтрольную ситуацию как доминирующую или фоновую. Отмечается, что типичные языковые маркеры семантики подконтрольности в последние годы семантически «опустошаются», теряют свое конкретное содержание или используются в качестве эвфемизмов, чем объясняется их возросшая (по данным Национального корпуса русского языка) частотность употребления.

Ключевые слова: русский язык, семантика предложения, семантическая категория, подконтрольность

УДК 811.161.1

Tatyana I. Steksova — Dr. Sci. in Philology, Professor; Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

ORCID 0000-0003-4275-7450

Received: 01/04/2023. Accepted for publication: 30/04/2023.

This article fits into the circle of studies of semantic categories. In it, the author considers the semantic type of sentences with the semantics of accountability, which is a subcategory of controllability and is characterized by greater semantic complexity. It is noted that all sentences of this semantic type are polypropositive, regardless of the structure of the sentence. One of the propositions reflects the controlling situation, the other the controlled one. Each control situation includes the following components: subject of control + predicate + object of control. The object of control is the controlled situation with its subject and predicate. The article gives the characteristics of all components of the semantic structure, distinguishes two types of controllability: with external control and self-control. It is fixed that the distinguished two types of accountability react differently to the introduction of negation. Attention is drawn to the fact that a change or loss of at least one of the differential features of the components of the semantic structure takes the sentence beyond the boundaries of this semantic type and allows it to express related semantics on the basis of controllability/uncontrollability. This allows us to speak about the diffuseness of the semantics of controllability/uncontrollability. A set of different syntactic constructions is revealed to express the studied semantics. It is shown that the choice of construction is connected with the intention of the speaker: to present the situation under control as dominant or background. It is noted that typical linguistic markers of the semantics of controllability have been semantically “emptied” in recent years, losing their specific content or being used as euphemisms, which explains their increased (according to the National Corpus of the Russian Language) frequency of use.

Keywords: Russian language, sentence semantics, semantic category, accountability

OECD: 6.02.OT

V

Постановка проблемы. Предлагаемое исследование посвящено анализу высказываний, которые объединены семантикой контроля, выражаемой языковыми маркерами, пики частотности которых приходятся на последнее десятилетие. Таким образом, предлагаемый в статье фрагмент исследования вписывается в круг исследований семантической категории контролируемость/неконтролируемость. В статье рассматривается смысловой тип предложений с семантикой подконтрольности, которая является субкатегорией контролируемости и характеризуется большей семантической сложностью.

Цель статьи – описать предложения с семантикой подконтрольности как смысловой тип, т.е. выявить семантическую структуру таких предложений, охарактеризовать ее компоненты и особенности функционирования, а также структурные типы предложений.

История вопроса. К понятию контролируемость/неконтролируемость научный интерес возник в конце XX в. Эта лингвистическая проблема стала предметом исследования таких отечественных и зарубежных лингвистов, как Т. В. Булыгина [1982], Р. Ван Валин и У. Фоли [1982], А. Вежбицка [1996] и др. При этом ученые вкладывали несколько разное содержание в это понятие.

Одни лингвисты под контролируемостью понимают «неактуальное свойство отвлеченных от действительности и тем самым от конкретного субъекта ситуаций (с семантической точки зрения – как словарное свойство отвлеченных от конкретных предложений предикатов)» [Шатуновский, 1996, с. 191]. Другие считают, что контролируемость – это способность субъекта контролировать ситуацию; так, Анна Андреевна Зализняк отмечает, что контролируемость есть свойство ситуации, и обращает внимание на то, что это свойство ситуации есть понятие градуальное; ситуации могут контролироваться человеком в различной степени [Зализняк, 1992]. Это же отмечает и И. Богуславский: «В жизни, то есть на уровне денотатов, контролируемость ситуации – понятие градуальное, и практически полностью контролируемых ситуаций в жизни не бывает: любое, даже самое контролируемое действие может, как всем известно, неожиданно натолкнуться на непреодолимую преграду. Что касается языка, то есть уровня концептов, то здесь выделяется лишь два полярных случая: «+контроль» – ситуация, рассматриваемая как полностью определяемая намерениями субъекта, и «–контроль» – ситуация, рассматриваемая как не полностью определяемая (или вовсе не определяемая) намерениями субъекта» [Богуславский, 1995, с. 167].

Итак, с одной стороны, выделяются неконтролируемые субъектом ситуации, где субъект вообще не является их участником (состояния природы, например, *Смеркалось*, что не является предметом нашего рассмотрения), и ситуации, где субъект является их участником, но не контролирует их (состояния субъекта: *Мне не спалось*). Эти ситуации обозначены как невольное осуществление, где событие совершается помимо воли субъекта или даже против его воли (*Это была тайна, но он проболтался*).

С другой стороны, – есть контролируемые субъектом ситуации (действия, процессы). В ядре контролируемых ситуаций находятся действия субъекта. Так как под действием понимается произвольная преднамеренная опосредованная активность, направленная на достижение осознаваемой цели, то действия субъекта контролируемых ситуаций можно охарактеризовать как активные, целенаправленные, осознанные, волевые: *Я пришел дать вам волю*. К периферии можно отнести вынужденность – осознанные действия активного субъекта, но при этом они каузированы (*Меня ушли с работы, Я был вынужден уволиться*). В семантическом аспекте предложения с семантикой вынужденности полипропозитивны, так вынужденные действия субъекта всегда обусловлены действиями другого субъекта (каузатора), хотя и не представленного в предложении. Каузатором могут быть как лица, так и обстоятельства, независимые от воли вынуждаемого субъекта. Полипропозитивными являются и предложения с семантикой подконтрольности, отличающиеся от предложений с семантикой вынужденности характеристикой субъекта действия и каузатора.

Некоторые субкатегории контролируемости/неконтролируемости уже были предметом внимания лингвистов. Так, проанализированы и описаны высказывания с семантикой невольности осуществления [Стексова, 2002], высказывания с семантикой вынужденности действия [Лесонен, 2008].

Другие частные случаи лишь упоминались исследователями, но не получили полноценного описания, а к исследованию такой семантики, как подконтрольность, вообще, насколько нам известно, никто еще не обращался.

Методология и методика исследования. Методология настоящей работы основана на понимании группы высказываний как смыслового типа предложений, как семантической модели, включающей ряд конститутивных признаков, а не класс готовых предложений [Шмелева, 1994; Стексова, Шмелева, 2021].

Языковым материалом послужили высказывания, извлеченные из Национального корпуса русского языка по запросам: *контролировать, взять под контроль, под контролем, подконтрольно, выйти из-под контроля*.

Ведущим методом исследования стал семантический (компонентный) анализ высказываний. Далее была задействована интерпретация, которая представляет собой толкование результатов наблюдения.

Анализ материала и результаты исследования. Как уже было отмечено, между контролируемостью и неконтролируемостью нет четкой границы: *Об уходе из жизни говорят только как о принятом волевом решении покойного. Восприятие смерти как поступка в активной фазе. «Ты уходишь от нас», «Для чего ты нас покинул», «Мне плохо, потому что ты собрался уйти», «Уж куда ты собрался?»* (С. Адоньева. Плакальщицы: ритуальная процедура и перформативная речь, 19.12.2022).

Интересующая нас семантика подконтрольности включается в категорию контролируемости как частный случай ее проявления, под которой понимается целенаправленная осознанная деятельность субъекта, осуществляемая под контролем другого субъекта: *Ведь организационно-финансовые основы деятельности судей обеспечиваются судебным департаментом, действующим*

под контролем Верховного суда (Т. Морщакова. На пути к правосудию // Отечественные записки, 2003); *Подконтрольный правительству Святейший синод не решался открыто противостоять свихнувшейся на мистике правящей элите* (Г. Коваленко, В. Смирнов. Легенды и загадки земли Новгородской).

Высказывания с семантикой подконтрольности имеют ряд дифференциальных признаков. Прежде всего необходимо отметить, что все предложения этого смыслового типа являются полипропозитивными, вне зависимости от строения предложения. Другими словами, в этих предложениях речь идет о двух ситуациях: контролирующей и подконтрольной. Одна событийная пропозиция обычно дается в свернутом виде. Свернутость одной из ситуаций определяется коммуникативным намерением говорящего, его желанием актуализировать либо контролируруемую, либо подконтрольную ситуацию. Ср.: *Родители всегда контролировали выполнение домашнего задания ребенком. – Ребенок выполнял домашнее задание под контролем родителей.*

Если в первом случае говорящий актуализирует деятельность родителей, то во втором примере в центре внимания деятельность ребенка. Каждую из этих ситуаций можно представить в виде семантической схемы. Контролирующая ситуация включает в себя следующие компоненты: **субъект контроля + предикат + объект контроля.**

Охарактеризуем каждый из этих компонентов. В качестве субъектов могут быть конкретное лицо/лица, а также институции (*власть, совет, правительство, оппозиция* и под.). Дифференциальными признаками субъекта являются агентивность, активность.

Предикат обычно выражается глаголом *контролировать* (Корпус выдает 2 331 пример) или сочетанием *взять под контроль* (116 примеров). Они характеризуются такими признаками, как осознанность, намеренность, целеполагание: *Участники проекта, интернационализовавшие его теорию, действуют по ее ролевым "прописям" ей "во благо": усиливают ее, адаптируют, развивают, защищают, а также принуждают к этому других участников и контролируют их* (А. Ослон. Мир теорий в эпоху «охвата» // Отечественные записки, 2003); *Его команда "питерских" давно хотела **взять под контроль**, но пока не удавалось* (Госдума: Куда занесет Селезнева // Аргументы и факты, 2003.02.05).

Итак, контролировать – значит следить за исполнением нужного, требуемого, иметь право принимать в отношении подконтрольной ситуации все важные решения. Следует отметить, что за этими предикатами скрываются разные событийные пропозиции (действия, восприятия), но важно то, что все они имеют объектную валентность. Причем, объект контроля всегда имеет непредметное значение. Контролируется выполнение / действия / деятельность / исполнение / использование / качество / параметр / процесс / работа / ситуация / ход, т.е. подконтрольную ситуацию. Эта ситуация может быть выражена как отглагольным существительным, так и существительным с предметным значением: *Родители строго контролировали свою дочь.* Но, строго говоря, контролируется не дочь, а ее деятельность.

Таким образом, объектом контроля является событийная пропозиция, которую также можно представить в виде семантической структуры: **объект контроля = субъект действия + предикат действия + (объект)**.

Нас интересуют те подконтрольные ситуации, где субъектом является лицо. Предполагается, что субъект активен, его действия характеризуются осознанностью, целенаправленностью, целеполаганием. Роль субъекта подконтрольной ситуации исполняют как лицо/лица, так и различные институты – власть, организации и подоб. Частотна вербальная невыраженность субъекта подконтрольного действия, т.к. актуальна сама ситуация, действие, процесс, а не субъект как таковой.

Лексическими маркерами подконтрольной ситуации выступают:

под контролем (пики частотности употребления 2004 и 2020 г.): *Курс всегда проводится по назначению и под контролем врача, поскольку эффект прямо зависит от фона, на котором вводится вакцина (Солнце в вашем доме // Здоровье, 1997.12.15);*

подконтрольно (пик частотности 2020): *А медиа ТВ-6 подконтрольно Березовскому (С. Есин. Дневник. 2007).*

Синонимические отношения выражение *под контролем* обнаруживает с рядом предложно-падежных форм: *под руководством – под присмотром – под управлением – под наблюдением – под надзором – под властью...* Все они имеют общий компонент, который акцентирует **зависимость, контроль: Волеизъявление, осуществлённое под контролем Объединённой группировки, не является свободным по определению** (Волеизвержение // Ежедневный журнал, 2003.03.17).

Итак, подконтрольность предполагает, что субъект контроля осознанно, намеренно, целенаправленно контролирует действия другого/их субъекта/ов. Субъект действия осуществляет свою деятельность осознанно, намеренно, целенаправленно, но он зависим от субъекта контроля.

Выделяются два типа подконтрольности по соотношению субъекта контроля и субъекта подконтрольной ситуации:

S контроля не равен S подконтрольной ситуации (внешний контроль);

S контроля равен S подконтрольной ситуации (т.е. речь идет о самоконтроле).

Безусловно, наиболее типичной, более частотной является первая ситуация. И в этом случае любопытно отметить, как распределяется ответственность за ситуацию в зависимости от характеристики контролирующего субъекта.

Если субъект контроля – конкретные люди, то ответственность за подконтрольную ситуацию возлагается на них: *И, если, скажем, врач **ответствен за здоровье людей**, инженер — за прочность и надежность строительных сооружений, то учитель — за идейное и моральное здоровье, за прочность и надежность молодых членов общества* (М. Кайнарова. Своя тропинка // «Студенческий меридиан», 1984). При этом субъекты контроля не всегда согласны брать на себя ответственность: *Я не готова обвинять в случившемся М., особенно с учетом того, что **ни ее родители, ни учителя не готовы взять на себя ответственность за ее состояние и признаться, что что-то проглядели, что-то пропустили*** (Моторина С. Травля: со взрослыми согласовано. Mel.fm).

Но если субъектом контроля является институция, то вся ответственность за ситуацию возлагается на субъектов подконтрольной ситуации: *Вашингтон подталкивает руководство Североатлантического союза к принятию решения взять на себя **ответственность за обеспечение безопасности в Ираке*** (Особенности военно-политического курса США на современном этапе // Зарубежное военное обозрение, 26.07.2004).

Зависимость субъекта подконтрольной ситуации может привести к тому, что он начинает совершать какие-либо действия осознанно, намеренно, но против своей воли. Известная фраза *Его ушли с работы* означает, что субъект сам написал заявление об увольнении, но он был вынужден это сделать под влиянием каких-либо обстоятельств. В ситуациях, когда зависимость подконтрольного субъекта приводит к тому, что некоторые свои действия он начинает совершать вынужденно, на первое место выходит не целеполагание, а каузированность: *В качестве примера можно привести историю того же российского бизнесмена Михаила Гуцериева, который в результате подобной ситуации был вынужден расстаться с принадлежавшей ему компанией «Русснефть», **вернув контроль над нею только в 2010 году после длительной судебной войны*** (С. Соколов. Разброд и «Шатун»: что станет с российскими активами Ахметова и Колесникова. 25.11.2016). В подобных случаях высказывания утрачивают семантику подконтрольности и приобретают семантику вынужденности.

Утрата контроля ведет к утрате зависимости, т.е. предполагается, что субъект просто совершает контролируемые им самим действия. Но выйти из-под контроля оказывается не просто: *А **выйти из-под контроля** семьи-класса-эпохи мы не умели, это удел великих личностей* (А. Цветков. После прочтения уничтожить, 2009). Это можно объяснить, с одной стороны, особенностями подконтрольного субъекта: *Мне приходилось наблюдать, как полностью находившиеся под контролем молодые люди, **получившие наконец самостоятельность, совершенно с катушек на некоторое время съезжали*** (Наши дети: Подростки, 2004).

С другой стороны, стремление выйти из-под контроля не приветствуется субъектом контроля: *Заметив, что **класс выходит из-под контроля**, что его обволакивает какое-то отрешённое безразличие, **воспринимаемое** Аллой Андреевной как тихий бунт, она сразу же останавливала урок* (А. Дёмин. Урок биологии, или Происхождение человека // Менестрель, 2013).

Но если можно выйти из-под контроля, то, возможно, контроль – это миф, иллюзия? Языковой материал показывает, что зачастую контролирующий субъект совершенно не контролирует ситуацию: *Нам, как врачам, нравится думать, что мы **держим ситуацию под контролем, но это лишь иллюзия, как бы мы ни старались*** (Х. Гилтроу. Расстояние. 2017); *«Взять под контроль» – это ровным счетом **ничего не означает*** (М. Баконина. Школа двойников. 2000).

С другой стороны, фраза *«ситуация вышла из-под контроля»* всего лишь означает, что субъект контроля снимает с себя ответственность: *Вот именно: весь гарнизон где-то носит по вашей милости! Ситуация **вышла из-под контроля**. Расхлебывайте сами, господа* (Г. Полонский. Не покидай. 1998).

Уже отмеченная активизация выражения подконтрольности в последнее десятилетие можно объяснить тем, что все чаще сочетания *взять под контроль, ситуация под контролем, выйти из-под контроля* и под. употребляются в качестве эвфемизмов, весьма распространенных в настоящее время: *Губернатор заявил, что ситуация под контролем* (о взрыве дома в Новосибирске) = я знаю об этом событии; *Населенный пункт под контролем российских войск* = российские войска вошли в населенный пункт; *В Тбилиси ситуация вышла из-под контроля силовиков* = власть не может справиться с протестующими.

Вторая разновидность подконтрольности характеризуется тем, что **S контроля = S действия/ состояния**. Следует различать обычное контролируемое действие субъекта и подконтрольное. О самоконтроле можно говорить в том случае, когда субъект намеренно, целенаправленно контролирует положение дел, которое нормативно не требует особого контроля либо не поддается контролю (например, состояния).

Если человек контролирует себя, свои эмоции, поступки и т. п., значит, он следит за тем, что он говорит и делает, не позволяет себе необдуманных слов и действий.

Субъект самоконтроля может контролировать свои действия (в том числе и речевые), поступки, а также пытаться брать под контроль нормативно неконтролируемые состояния: *Я контролирую свои эмоции, чтобы все думали, что у меня все хорошо*. Строго говоря, под контролем находится лишь внешнее проявление состояния /эмоций. *Добровольно сдаваться психиатрам она не хотела, потому что считала, что прекрасно себя контролирует и ни разу ничем не выдала себя* (А. Сальников. Петровы в grippe и вокруг него // Волга, 2016); *Она контролировала свои мысли, но не контролировала действия* (А. Русских. Не спрашивай почему, или дождливое лето // Дальний Восток, 2019).

Утрата самоконтроля чаще всего порождает неконтролируемую ситуацию. Так, известное выражение *контролируй свои слова / свою речь / свой язык* актуализирует необходимость для субъекта речи выбирать языковые средства или тему и содержание речевого сообщения. Утрата такого самоконтроля обычно приводит к невольному осуществлению, которое, в частности, в русском языке маркируется глаголом *проболтаться*: *Пусть Кузнец напрягается, сдерживается, хватает себя за язык, боится проболтаться* (Г. Яхина. Зулехя открывает глаза. 2015); *Но однажды Вера письменно (кстати, не проболтайтесь, бабушка, об этом нашим: никто из них не знает) попросила его не утруждать ее больше своими любовными излияниями* (А. Куприн. Гранатовый браслет).

Утрата самоконтроля приводит и к утрате целеполагания: *Прости, что причинил тебе страдания, не со зла, не умышленно... иногда не справляются мои нервы и выбивают из колеи* (А. Терехов. Каменный мост).

Результат утраты самоконтроля проявляется в машинальности каких-либо действий: *Анри сказал, что даже вполне культурные люди, попав на футбольное поле, начинают плевать или прочищать нос <...>. Хуже того. Взволнованные ходом игры, эти же самые люди начинают безотчетно трогать свои гениталии, что производит разочаровывающее впечатление. <...> Интересно, что первые*

минуты все как-то еще держались, но после пропущенного гола начали постепенно терять над собой контроль (Е. Водолазкин. Похищение Европы).

Стоит отметить, что выделенные два типа подконтрольности по-разному реагируют на введение отрицания. В первом случае (при разных субъектах) введение отрицания не лишает обе пропозиции целенаправленности и осознанности: *Мать не контролирует выполнения домашнего задания сыном, чтобы воспитать в нем самостоятельность и ответственность*.

Во втором случае (субъект контроля = субъекту состояния) при введении отрицания утрачивается полипропозитивность и остается только неконтролируемое состояние: *Я не контролирую свои чувства, *чтобы ...* (нет целеполагания) = Я не владею собой. Ср: *Врач (не) контролировал психологическое состояние своего пациента*. Субъект контроля осознанно и намеренно либо осуществляет контроль, либо отказывается от него. Субъект состояния и в том, и в другом случае не может контролировать свое состояние, оно не зависит от его воли.

Выделение смыслового типа предложений осуществляется не только на основе общности семантики, но и на возможности выражения этой семантики различными техническими средствами, разными синтаксическими конструкциями. Это утверждение справедливо и по отношению у исследуемому смысловому типу. Так, семантика подконтрольности обнаруживается в целом ряде конструкций, причем в одних случаях она выражается предикатно, так, например: *Потом Контрольно-ревизионное управление Минфина, Счётная палата вынуждены **контролировать**, правильно ли вуз выполнил смету, которую сам себе установил и может поменять столько раз, сколько захочет* (И. Мельникова. Школа выживания // Итоги, 2003.02.11). В подобных случаях семантика выражается с помощью сложноподчиненного предложения, главная часть которого обозначает контролируемую ситуацию с вербально выраженным субъектом контроля (институция), а в зависимой предикативной единице отражается подконтрольная ситуация с обозначением подконтрольного субъекта (институция) и предиката, обозначающего вид деятельности, подвергаемый контролю.

Для предикатного выражения используется структура и простого предложения: *В небольшом товариществе его **членам** довольно легко **контролировать деятельность руководства и влиять** на принятие решений* (С. Мазур. Кто в доме хозяин // Домовой, 2002.08.04). В таких примерах предикатно выражена контролирующая ситуация с вербально обозначенным субъектом контроля, а подконтрольная ситуация представлена в свернутом виде в позиции объекта контроля. В данном примере эта свернутая пропозиция выражена пропозитивным существительным с управляемым компонентом, обозначающим подконтрольного субъекта. Структура простого, но полипропозитивного предложения используется и в том случае, когда подконтрольная ситуация максимально свернута и обозначена лишь наименованием подконтрольного субъекта: *Усилив большую силовую пятёрку, президент теперь может **контролировать** всю старую деловую **знать*** (Ю. Латынина. Самурайская дружба // Еженедельный журнал, 2003.03.17).

Но если в сложноподчиненном предложении для говорящего одинаково важны и контролируемая, и подконтрольная ситуации, то в простом предложении в фокусе внимания прежде всего контролирующая ситуация.

В других случаях семантика подконтрольности занимает актантную позицию, которая предназначена для выражения пропозитивного смысла.

Подконтрольный правительству Святтейший синод не решался открыто противостоять свихнувшейся на мистике правящей элите (Г. Коваленко, В. Смирнов. Легенды и загадки земли Новгородской. 2007). В подобных примерах предикативной единицей обозначено действие подконтрольного субъекта, а контролирующая ситуация представлена в свернутом виде в позиции атрибута с указанием на субъект контроля формой дательного падежа.

В других случаях подконтрольная ситуация занимает позицию инструмента: А потом премьер-министр через **подконтрольный** олигархам парламент начнет потихонечку проводить конституционную реформу (Я думаю, что... // Вслух о..., 24.10.2003).

Частотно выражение подконтрольной ситуации осложненным предложением с помощью обособленных членов: На него претендовал петербургский завод «Ливиз», **подконтрольный** экс-сенатору Александру Сабадашу, однако г-ну Зивенко удалось оставить бренд за собой (Д. Пузырев. «Гжелка» возвращается, 16.03.2010); Указатель делится на главы, соответствующие основным госучреждениям, в каждой дано описание всех учётных документов, находящихся **под контролем** данного учреждения (Л. Семеняка. Как слеза. Российское правительство хочет быть прозрачным // Известия, 2003.02.17); Волеизъявление, осуществлённое **под контролем** Объединённой группировки, не является свободным по определению (Волеизъявление // Еженедельный журнал, 2003.03.17). В подобных случаях семантика подконтрольности является фоном, на котором сообщается о действиях подконтрольного субъекта.

Максимально свернуто представление о подконтрольной ситуации в конструкциях типа *ситуация под контролем*: Однако Рособрнадзор продолжает настаивать, что «**ситуация под контролем**» и утечки мало повлияли на результаты абитуриентов (Дискуссия // Русский репортер, 2013); Предпочитают отделяться общими фразами, что «**ситуация под контролем**» (А. Чуйков. Криминально-статистическая Чечня. В мятежной республике растёт количество преступлений // Известия, 04.07.2001). В этих и подобных примерах вербально не выражены ни субъект контроля и его действия, ни информации о характере подконтрольной ситуации. Поэтому такие конструкции могут быть адекватно прочитаны и поняты только в контексте, где в предшествующих высказываниях идет развернутое описание подконтрольного положения дел.

Выбор говорящим одного из возможных способов выражения подконтрольности обусловлен его коммуникативными задачами.

Выводы. Итак, анализ языкового материала дает основание для выделения особого смыслового типа предложений, которые выражают семантику подконтрольности как частного случая контролируемости. Это обусловлено тем, что предложения с этой семантикой имеют дифференциальные семантические признаки,

закрывающиеся в обязательной полипропозитивности высказываний и в характеристике компонентов семантической структуры. Изменение хотя бы одного из этих признаков выводит предложение за границы данного смыслового типа и позволяет ему выражать смежную семантику по признаку контролируемости/неконтролируемости. Это позволяет говорить о диффузности семантики контролируемости/неконтролируемости и ставить задачу ее специального исследования.

Выявление возможных формальных способов выражения семантики подконтрольности показывает, что выбор конструкции связан с интенцией говорящего – представить подконтрольную ситуацию как доминирующую или фоновую.

Важным представляется и тот факт, что типичные языковые маркеры семантики подконтрольности в последние годы семантически «опустошаются», теряют свое конкретное содержание или используются в качестве эвфемизмов, чем и можно объяснить их возросшую частотность употребления.

Литература

- Богуславский, И. М., Зализняк А. А. (1995). Исследование по семантике предикатов внутреннего состояния. *Вопросы языкознания*, 1, 195–198.
- Булыгина, Т. В. (1982). К построению типологии предикатов в русском языке. *Семантические типы предикатов*. Москва, 7–85.
- Ван Валин Р., Фоли У. (1982). Референциально-ролевая грамматика. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. Москва: Прогресс, 376–410.
- Вежбицкая, А. (1996). *Язык. Культура. Познание*. Москва.
- Зализняк, А. А. (1992). *Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния*. Мюнхен: Verlag Otto Sagner.
- Лесонен, Н. В. (2008). *Высказывания с семантикой вынужденного действия в современном русском языке*: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01. Новосибирск.
- Стеклова, Т. И. (2002). *Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции*. Новосибирск.
- Стеклова, Т. И., Шмелева Т. В. (2021). Русское изъяснительное предложение как смысловой тип. *Сибирский филологический журнал*, 3, 272–286.
- Шатуновский, И. Б. (1996). *Семантика предложения и нереферентные слова: значение, коммуникативная перспектива, прагматика*. Москва.
- Шмелева, Т. В. (1994). Энциклопедия смысловых типов предложения. Опыт осмысления проблемы и систематизации фактов. *Системный анализ значимых единиц русского языка. Смысловые типы предложений*. Ч. 1. Красноярск, 4–18.

References

- Boguslavsky, I. M., Zaliznyak, A. A. (1995). Research on the semantics of internal state predicates. *Voprosy yazykoznanija*, 1, 195–168. (In Russian).
- Bulygina, T. V. (1982). On the construction of a typology of predicates in Russian. *Semanticheskiye tipy predikatov*. Moscow, 7–85. (In Russian).
- Van Valin R., Foley W. (1982). Referential-role grammar. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, 11, 376–410. (In Russian).
- Vezhbitska, A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. Moscow. (In Russian).
- Zaliznyak, A. A. (1992). *Research on the semantics of internal state predicates*. Munich: Verlag Otto Sagner. (In Russian).
- Lesonen, N. V. (2008). *Statements with the semantics of forced action in modern Russian*: dissertation abstract for the degree of candidate of philological sciences. Novosibirsk. (In Russian).
- Steksova, T. I. (2002). *Semantics of captivity in Russian: meaning, expression, functions*. Novosibirsk. (In Russian).
- Steksova, T. I., Shmeleva, T. V. (2021). Russian explanatory sentence as a semantic type. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal*, 3, 272–286. (In Russian).
- Shatunovsky, I. B. (1996). *Semantics of the sentence and non-referential words*. Moscow. (In Russian).
- Shmeleva, T. V. (1994). Encyclopedia of semantic types of sentences. Experience of understanding the problem and systematization of facts. *Sistemnyy analiz znachimykh yedinit russkogo yazyka. Smyslovyye tipy predlozheniy*. P. 1. Krasnoyarsk, 4–17. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Стеклова, Т. И. (2023). Высказывания с семантикой подконтрольности. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 78–88. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-78-88

For citation:

Steksova, T. I. (2023). Statements with the semantics of controllability. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(7), 78–88. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-78-88